

УДК 930

ВОРОНЕЖСКАЯ ДЕРЕВНЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: К ОЦЕНКЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИТОГОВ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

КАРПАЧЁВ Михаил Дмитриевич,доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России,
Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. *Анализируется социально-экономическое положение деревни Воронежской губернии в последние годы существования Российской империи. Дается оценка результатов новой аграрной политики, основанной на приватизации крестьянской земли. Раскрыто влияние аграрного перенаселения на состояние крестьянской экономики и на социальные отношения в деревне.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *крестьянство, Воронежская губерния, начало XX века, новая аграрная политика, результаты.*

KARPACHEV M.D.,Dr. Hist. Sci., Professor of the Department of Russian History,
Voronezh State University

VORONEZH VILLAGE ON THE EVE OF THE 1917 REVOLUTION: THE EVALUATION OF THE PRELIMINARY RESULTS OF STOLYPIN AGRARIAN POLICY

ABSTRACT. *The article analyzes socio-economic situation of the village in Voronezh province during the last decades of the history of the Russian Empire. The results of a new agrarian policy, based on privatization of the peasant land allotments, are represented. The influence of agrarian overpopulation on the peasant economy and on social relations in the village is revealed.*

KEY WORDS: *peasantry, Voronezh province, early 20th century, new agrarian policy, results.*

Цели и социальная направленность столыпинского аграрного курса долго были и до сих пор остаются предметом острых политических и историографических дискуссий. Историки-марксисты, как известно, стремились выяснить классовый характер аграрных преобразований царского правительства и неизменно указывали на консервативную и даже реакционную сторону политики П.А. Столыпина в деревне. Премьер-реформатора упрекали главным образом в том, что он стремился сохранить помещичью земельную собственность и подвести под самодержавие новую опору в виде укрепившегося кулачества [1, с. 59–63]. В зарубежной и отечественной литературе новейшего времени, напротив, упор делается на определение социально-экономической и политической целесообразности столыпинских преобразований. Исследователи стали акцентировать внимание на том, что реформы эти были призваны положить начало гражданственности и эффективного хозяйствования в среде российского крестьянства [2, с. 10–15]. В трудах историков и выступлениях публицистов получили широкое распространение оптимистические оценки аграрного курса, направленного на приватизацию крестьянской надельной земли. Впрочем, в научной литературе сохраняются и гораздо более осторожные выводы о возможностях новой аграрной политики. Следует выделить, в частности, основательный труд английской исследовательницы Дж. Пэллот. Автор оценила столыпинские начинания как очередную административную

утопию, едва ли способную обеспечить скорый прогресс русского сельского хозяйства [3, с. 187].

Между тем у данной проблематики есть еще один важный и при этом вполне самостоятельный аспект. Речь идет о выяснении сугубо экономической результативности политики, основанной на постепенном сокращении общинного надельного землевладения. Как повлиял переход части крестьянства к индивидуальному хозяйствованию и приватизации земельных угодий на развитие культуры и на состояние аграрного сектора экономики? Японский историк Кимитака Мацузато справедливо подчеркнул, что без анализа этой стороны реформ нельзя всерьез воспринимать категорические суждения о крахе или, напротив, о полном успехе правительственных начинаний того времени [4, с. 196]. Соглашаясь с японским исследователем, отметим, что такой анализ может быть успешен лишь при условии учета особенностей российских регионов. Материалы, раскрывающие ход преобразований в Воронежской губернии, дают неплохие возможности для объективного анализа развернувшейся перестройки русской деревенской жизни.

Прежде всего, местные источники свидетельствуют о безусловной и неотложной необходимости в реформах. Спустя четыре десятилетия после отмены крепостного права социально-экономическое положение воронежского крестьянства отличалось крайней противоречивостью. С одной стороны, земледелие и животноводство в губернии вступили в полосу острого и затяжного кризиса, о хроническом характере которого свидетельствовало широкое рас-

пространение в публицистике того времени термина «оскудение». Под этим звучным словом понималось депрессивное состояние экономики как помещичьих, так и крестьянских хозяйств. Крестьянство губернии периодически голодало, а воронежское дворянство в пореформенные годы неуклонно теряло свою земельную собственность. Выйти из такого печального положения без глубоких структурных преобразований и без чрезвычайных усилий всего общества было невозможно.

Причин у аграрного кризиса (или у «оскудения») было много. Прежде всего, уже в первые десятилетия после крестьянского освобождения стало ясно, что возможности для продолжения экстенсивного сельского хозяйства в губернии исчерпаны. Всю вторую половину XIX в. и первые полтора десятилетия XX в. в черноземных губерниях наблюдался исключительно быстрый рост численности сельского населения, между тем свободного резерва еще не возделанных земельных площадей к тому времени не осталось. Если в 1862 г. в Воронежской губернии проживало около 1,8 млн чел., то в 1897 г. – уже около 2,5 млн, в 1905 – около 3,2 млн, а в 1914 г. – примерно 3,7 млн. Произошло значительное сокращение среднего для всех категорий крестьян душевого земельного надела примерно с 4,8 дес. в 1861 г. до 2,6 дес. в 1905 г. В среде самого крестьянства, а также в кругах оппозиционной интеллигенции все более настойчивый характер стали приобретать разговоры о крестьянском малоземелье как главной причине материальных затруднений народа. Многим демократически настроенным интеллигентам казалось, что у этой проблемы было самое простое решение: надо было увеличить размеры крестьянского землепользования. Делать это следовало, конечно, путем принудительного перераспределения земельной собственности на путях классовой борьбы против частных владельцев, прежде всего дворян.

Однако вдумчивые наблюдатели уже в те годы хорошо понимали, что такое «простое» решение не может дать положительного результата. Корень проблемы многим знатокам аграрной проблематики виделся не в малоземелье (с просторами Воронежской губернии, в частности, это понятие сочеталось плохо), а в росте избыточного сельского населения, в так называемом аграрном перенаселении региона. Доля сельского населения в губернии, несмотря на рост городов, и в начале XX в. доходила до 95%, между тем практически вся земля уже давно вошла в сельскохозяйственный оборот. По подсчетам некоторых специалистов, для обработки угодий в черноземных губерниях вполне могло хватить 35% наличных рабочих сил, следовательно, 65% трудоспособных крестьян в деревне могли считаться относительно «лишними» [5, с. 115]. Такие расчеты нуждаются в уточнении, но факт оставался фактом: относительная перенаселенность воронежской деревни возрастала с каждым годом.

Известный земский статистик Ф.А. Щербина, внимательно наблюдавший за жизнью воронежской деревни конца XIX в., отметил абсолютную неизбежность коренных перемен. «Когда же количество жителей, – писал он, – настолько увеличится, что сельскохозяйственных продуктов окажется мало для него и под руками не бывает свободных земель, тогда для населения предстоит обыкновенно тройкий исход – или усилить производительность той же площади земли, т.е. повести более интенсивное хозяйство, или выселить приросший избыток жителей на

сторону, или же изыскать, наконец, иные, помимо земледелия, материальные источники» [6, с. 244].

Второй и третий способы использовать было и проще, и привычнее, первый, напротив, был наиболее труден, а для воронежского крестьянства попросту недоступен. Переходу к интенсивному хозяйствованию мешало слишком многое: и низкий культурный уровень деревни, и традиции уравнительного землепользования, и отсутствие устойчивого спроса на крестьянскую продукцию. На протяжении веков община существовала для обеспечения материальных условий собственного крестьянского существования и плохо вписывалась в условия рыночного обмена. Не внушали больших надежд и выселения. Прираставший избыток жителей начал понемногу уходить из губернии уже в первые пореформенные десятилетия. Однако масштабы выхода до начала XX в. оставались относительно невысокими и заметного влияния на сокращение аграрного перенаселения не оказывали [7, с. 9–10].

Более существенное значение имел поиск неземледельческих источников материального существования. Рост промышленности, развитие новых путей сообщения и городской жизни открывали неизвестные прежде перспективы. Все более значительная часть крестьянства перестала воспринимать обезземеливание как полную жизненную трагедию, находились иные, нередко гораздо более прибыльные, чем обработка земли, занятия. По сведениям переписи 1897 г., в Воронежской губернии было зафиксировано около 50 разных видов домашних кустарных промыслов, в которых было занято около 40 тыс. работников с годовым заработком в 3 млн руб. [8, с. 238]. Например, тысячи крестьян, в том числе безземельных, с успехом занимались сапожным промыслом в слободе Бутурлиновке. Уже через 20 лет после отмены крепостного права объемы производства сапог достигали здесь внушительной цифры в 1 млн пар ежегодно. Средняя цена за пару сапог составляла тогда 3–3,5 руб. Семья, в которой шил сапоги 1 мастер с помощником, зарабатывала в год около 250 руб. [9, с. 75]. Это был вполне приличный доход, если иметь в виду, что сумма годовых денежных повинностей (государственных, земских и мирских) средней крестьянской семьи составляла около 30 руб., а, скажем, пуд говядины на городском рынке стоил около 3 руб., пуд ржи – около 80 коп. Примерно такие же заработки могли иметь и плотничьи артели, в состав которых входили сотни крестьян Нижнедевицкого уезда. «Зарабатываемые деньги, – отмечал современник, – идут на уплату податей, на наем земли под посев и на домашние нужды; а часть денег (от 1/6 до 1/3 получаемого заработка) пропивается» [10, с. 100]. Конечно, такие семьи продолжали заниматься и земледелием, но удельный вес привычного крестьянского труда у них заметно снижался.

Под прессом земельной тесноты десятки тысяч воронежских крестьян начали систематически прибегать к отхожим промыслам. На заработки отправлялись целыми артелями, преимущественно в многоземельные казачьи станицы Дона, Кубани и Ставрополя. В хорошие годы сезонные заработки там заметно превосходили денежные доходы среднего крестьянина, остававшегося трудиться на своем наделе в родной губернии.

Новые виды заработков самым серьезным образом отражались на быте и на социальной психологии воронежской деревни. Быстро расширялись контакты крестьянства с окружающим миром, а

дополнительные ресурсы давали возможность хотя бы частично удовлетворять новые потребности. Наблюдался отчаяние, что в селах с большой долей отходников в лучшую сторону менялся облик зданий, шире распространялась грамотность, выше становились материальные запросы крестьянства. По данным Б.Н. Миронова, обострявшееся малоземелье не помешало русскому крестьянству в конце XIX в. существенно увеличить потребление продуктов питания, особенно ржи и картофеля (в 1913 г. на 37% больше, чем в 1890 г.) [11, с. 466–467]. Словом, значительная часть обезземеленных крестьян губернии находила новые источники пополнения жизненных средств. Но при этом социальная мобильность резко возрастала, что быстро расплывало все привычные устои крестьянского общества. Крестьянство становилось гораздо более требовательным, а его недовольство начинало проявляться с большой силой. «Теперь, иронизируют крестьяне, в светлой хате сын хватит по уху отца, а прежде этого не бывало», – подмечал тот же Ф.А. Щербина [6, с. 414–415].

Словом, борьба крестьянства с аграрной перенаселенностью не была вовсе бесплодной. Но все же в большинстве своем воронежские крестьяне пытались восполнить дефицит земельных ресурсов привычными методами народной экспансии. Во второй половине XIX в. велась интенсивная распашка выгонов, лесных угодий, лугов, сенокосов. За три десятка лет после отмены крепостного права пашня в Воронежской губ. увеличилась почти на 400 тыс. десятин или на 10%, население же выросло за эти годы почти на 40%. Размеры распаханых угодий стали превышать все разумные пределы. В результате положение земледельцев только ухудшилось. Сильное сокращение лесных и пойменных ресурсов обернулось ухудшением экологической обстановки. Земледельцы, отмечал в 1893 г. Ф.А. Щербина, «всюду почти в один голос показывали, что урожай за последние годы понизился, что земля ухудшилась, что степей и лугов стало несоразмерно с другими угодьями меньше, что леса подверглись сильному истреблению под влиянием непомерных запашек, что погода изменилась к худшему: ветра стали дуть чаще и порывистее, дожди выпадали внезапно в виде разрушительных ливней на небольших пространствах, а не тихих обложных дождей, как это было в старину, обильные мокрые туманы перестали появляться, а наоборот, участились сухие туманы, мгла, реки обмелели и засорились и т.п.» [12, с. 7–8]. Отчасти такие жалобы можно объяснить традиционными для обыденного сознания представлениями о том, что в прежние годы природа и люди выглядели лучше. Тем не менее зафиксированный Щербиной факт сугубо потребительского отношения к природе сомнений ни у кого не вызывал и объяснялся чрезмерным давлением экстенсивных методов хозяйствования на среду обитания.

Аграрное перенаселение и связанные с ним негативные явления в экономической и социальной жизни были тесно сопряжены с сохранением в воронежской деревне общинных принципов землепользования. Коллективное владение земельными угодьями к концу XIX в. полностью подтвердило опасения тех реформаторов, которые еще во время подготовки крестьянского освобождения предсказывали грядущую угрозу хозяйственному прогрессу в русской деревне. Конечно, вспоминал один из местных администраторов той поры, нашим «само-

бытникам» дороги круговая порука и коллективная земельная собственность с возможностью уравнительного передела. Но община поглощала личное право и личную ответственность крестьянина, при этом «общинное владение влечет за собой неизбежно, по-видимому, полный застой в хозяйственной культуре: ни травосеяния, ни хорошего выгона, ни правильного унавоживания – никакого улучшения община не допускает» [13, с. 23]. Общинный строй был неразрывно связан с господством патриархальных отношений в труде и в семейно-бытовой сфере. «Нигде, – отмечал тот же очевидец, – вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье, и это некоторыми называется патриархальным бытом. Все это работает до изнеможения, пьет иногда до беспамятства, ест впроголодь» [13, с. 10]. Община могла относительно устойчиво функционировать только при наличии земельного простора, позволявшего использовать трехпольную систему возделывания пашни, исчерпанность же земельных ресурсов неизбежно делала общину все более агрессивной, причем главным образом по отношению к частной собственности и к личной инициативе. Революционные потрясения начала XX в. наглядно продемонстрировали, какой грозный потенциал социального взрыва таится в русской поземельной общине.

Открытый указом 9 ноября 1906 г. и другими мероприятиями столыпинского правительства курс на индивидуализацию крестьянской земельной собственности должен был положить конец господству общины, открыть простор хозяйственной самостоятельности в деревне, ускорить переход к интенсивным формам земледелия на основе достижений современной агрикультуры и использования современной техники. В.И. Гурко, один из отцов новой аграрной политики, имел все основания утверждать, что община «принуждает своих членов равняться не по уровню знаний и предприимчивости наиболее развитых и энергичных своих членов, а наоборот, поневоле остается в области земледелия на уровне наименее знающих и несмышленных» [14, с. 160].

В Воронежской губернии нашлось немало энтузиастов новой политики. Перестройкой аграрных отношений энергично занимались члены землеустроительных комиссий, местная администрация, земские учреждения [15, с. 89]. Широкую просветительскую работу в деревне развернули десятки правительственных и земских инспекторов, агрономов, ветеринаров и других специалистов сельского хозяйства. Новое дело продвигалось с большим трудом. «Крестьяне, – замечал Ф.А. Щербина, – в большинстве своем даже не могут представить себе, чтобы общинное землевладение могло быть заменено иною формою владения и пользования. По крайней мере, на поставленный исследователями вопрос о том, не желает ли общество, или нет ли в нем отдельных лиц, желающих перейти к полному землевладению, крестьяне отвечали в большинстве случаев не только отрицательно, но и с явным недомыслием» [6, с. 147]. Многовековые привычки сломать было очень нелегко. Община была хорошо знакома, агрономы же звали к неизведанной жизни.

И все-таки реформы продвигались вперед. Как и предполагали организаторы преобразований, некоторые крестьяне молодых и средних возрастов (от 20 до 30% домохозяев) психологически были готовы перейти к новым принципам экономической жизни. Сторонники новой политики, безусловно,

учитывали возросшую к началу XX в. мобильность сельского населения и крепнувшие желания предпримчивых крестьян освободиться от оков общинной регламентации. Социальные последствия преобразований заслуживают отдельного исследования. Здесь же стоит отметить, что из 400 тыс. крестьянских дворов Воронежской губернии хозяева примерно 135 тыс. изъявили к 1915 г. желание выйти из общины и закрепить причитавшиеся наделы в собственность [16, с. 113–114]. Еще несколько десятков тысяч домохозяев, живших в общинах, в которых не было коренных переделов земли со времени падения крепостного права, были по закону 1911 г. объявлены наследственными владельцами находившихся в их распоряжении наделов земли. Таким образом, не менее половины всех крестьянских хозяйств губернии к началу Первой мировой войны втянулись в процесс нового землеустройства.

Говоря о хозяйственных результатах развернувшегося реформирования, не забудем, что перестройка аграрных отношений в губернии (как и в России в целом) только начиналась. По расчетам правительства, индивидуализация крестьянской собственности должна была в основном завершиться к середине 1930-х гг., поэтому разговоры о полном успехе или, наоборот, о крахе реформ в данном случае представляются некорректными. Тем не менее анализ экономических показателей жизни воронежской деревни в условиях развернувшихся реформ мог обнадежить сторонников мирного обновления народной жизни.

Прежде всего, выяснилось, что перешедшие к индивидуальному землевладению крестьяне стали гораздо более внимательно относиться к пропаганде рациональных приемов обработки почвы. Если общинники, как правило, с недоверием относились к советам неожиданно появившихся в деревне агрономов и предпочитали держаться традиционной сохи и трехполья, то самостоятельные хозяева проявляли живой интерес к экономическим новшествам. Все чаще становились известными случаи успешного применения в хозяйствах специальных знаний. Так, в с. Папасном Богучарского уезда земский агроном устроил показательное поле на земле одного из крестьян, недавно покинувших общину. На второй же год это поле, по сравнению с соседними, дало доход в 1,5 раза больше. «Это получилось от того, — сообщали специалисты, — что агроном научил хозяина этого поля правильно разрабатывать и засеивать землю, правильно распределять на ней растения (ввел четырехпольный севооборот) и завел травы на пару и в отдельном клину». Успех показательного поля вдохновил еще около 40 хозяев перейти к усовершенствованной агротехнике. Если в этом селе обычный годовой доход общинника от земледелия составлял около 300 руб., то у «новаторов» он достигал 450 руб. [17, с. 2–3].

Курс на рационализацию сельской экономики наносил удар по традиционным представлениям крестьян о способах и приемах земледелия. Под влиянием упорной просветительской работы специалистов-аграриев, в том числе и ознакомительных поездок групп крестьян в районы с культурным интенсивным хозяйством, воронежские крестьяне начинали постигать выгоды просвещенного труда. Как это ни удивительно, но только в начале XX в. воронежский крестьянин обнаруживал, что не только слепые силы природы, но и его собственные усилия способны повлиять на хозяйственные итоги года. Присущий русскому крестьяни-

ну фатализм и упование на волю Божию начинали уступать у вышедших из общины «единоличников» трезвому расчету и экономическому анализу. В том же Богучарском уезде некоторые крестьяне с. Талы воспользовались указом 9 ноября 1906 г., вышли из общины и перешли на хутора и отруба. Один из «новаторов» сообщал, что свой надел в 6 десятин он распределил следующим образом: полторы десятины отвел под озимую рожь, а остальные четыре с половиной выделил под зябь и вспахал осенью. В конце того же 1913 г. он пошел на курсы агронома М.М. Богословского, на которых понял, что жить по старинке больше нельзя, «потому что мы своим неразумным чередованием растений на полях сеем хлеб по хлебу и засоряем, истощаем землю, вследствие чего и получают такие низкие урожаи хлебов, да еще наполовину с семенами сорных трав, главным образом с семенами овсяга».

Агроном заложил на наделе этого крестьянина опытное поле и с весны 1914 г. ввел четыре клина: с паром, озимой рожью, пропашными и яровыми. Причем пар был двух видов: занятой, на котором была посеяна вика с ячменем на сено, и черный. Все лето пар поддерживался в чистоте, часть занятого была удобрена навозом. В дальнейшем все операции, включая лушение, боронование, отбор семян и т.п., крестьянин проводил по советам агронома. В итоге сельскохозяйственный год был завершён с хорошими результатами, которых не было и не могло быть у соседей-общинников с их традиционным трехпольем. «Поэтому, — заключал крестьянин-новатор, — мой совет отрубщикам и хуторянам, если они еще хозяйствуют по старинке, переходить скорее к четырехполью, и они получат благие результаты» [18, с. 23–24].

С появлением все более заметного слоя крестьян, принявших новые условия земледелия в губернии, естественно, возрастал сектор частного землевладения. Причем быстро увеличивалось именно крестьянское частное землевладение, поскольку дворянство по-прежнему неуклонно сокращало размеры своих имений. Такая мобилизация земельных угодий в руках крестьянина-частника сопровождалась все более устойчивым ростом сельскохозяйственного производства. О существенных сдвигах в экономических показателях аграрного сектора губернии можно судить, если сопоставить данные статистики. Сбор всех хлебов в 1907 г. в губернии составил около 76 млн пудов, при этом около 50,5 млн пудов было собрано на крестьянских наделах. Если учесть, что на посев 1908 г. крестьяне отводили около 11 млн пудов зерна, то на собственные нужды у них оставалось около 39 млн пудов, что давало 13,8 пуда продовольственного зерна на человека. Кроме того, крестьяне располагали в 1907 г. 20,5 млн пудов картофеля (по 7,2 пуда на человека) [19, с. 11]. Надо учесть, что продовольственная норма на едока в год составляла, по данным земских статистиков, примерно 20 пудов в год (хлеба и картофеля). Таким образом, можно констатировать, что по сути дела весь собранный в 1907 г. урожай должен был уйти на собственное потребление крестьян-общинников. Ради этого, собственно, и существовала община.

Развернувшиеся преобразования сопровождались явным улучшением экономических показателей. Все три предреволюционных года показатели сбора хлебов и картофеля были в Воронежской губернии вполне благополучными. В 1914 и 1916 гг. общие сборы зерновых составили около 110 млн пудов, а в

1915 г. урожай вообще был очень хорошим (ок. 150 млн пудов), существенно более высоким, чем средний по меркам довоенного времени. При этом озимых хлебов было собрано свыше 63 млн пудов, яровых – около 72 млн пудов и картофеля свыше 33,4 млн пудов [20, с. 2–4]. Если учесть, что по расчетам авторитетного в ту пору экономиста А.В. Чайнова, потребительская норма хлебов в губернии составляла 18 пудов на едока в год, то для удовлетворения собственных продовольственных нужд требовалось около 55 млн пудов, из которых горожанам вполне хватало 2 млн пудов. На семена требовалось около 20 млн пудов. Следовательно, в губернии должны были оставаться ощутимые товарные хлебные ресурсы (от 35 до 75 млн пудов ежегодно).

Разумеется, крестьяне тоже должны были осенью часть урожая везти на продажу; надо было платить налоги, приобретать износившуюся часть инвентаря, кое-какие предметы потребления. Но при этом те же крестьяне весной становились самыми массовыми покупателями хлеба, поскольку действительных излишков у них все-таки не было. Все это свидетельствовало только об одном: рыночная конъюнктура не могла быть главным стимулом крестьянского общинного производства; смысл своего хозяйства общинник видел, прежде всего, в обеспечении своей семьи минимумом продовольственной и иной продукции. Общинное хозяйство, повторяем, никогда не было и не могло быть основой нормального рыночного обмена. Вот почему у современников не вызывал большого удивления тот факт, что буквально по всем культурам урожайность у частных землевладельцев в Воронежского губернии всегда была выше на 25–30%, чем у общинников. В том же 1907 г. урожайность озимых у владельцев была сам-8,4, у крестьян-общинников – сам-5,4, яровых у владельцев – сам-5,7, у общинников – сам-3,6, картофеля у владельцев – сам-7,8, у общинников – сам-5,2 и т.д. [20, с. 12]

Конечно, аграрный курс Столыпина форсировал раскол в деревне. Ставка делалась на деятельные слои крестьянства. Вышедшие из общины трудилась с куда большей эффективностью. На этот факт обратил внимание воронежский помещик и видный государственный деятель С.И. Шидловский. «Появилось то, – вспоминал он, – чего я раньше допустить не мог, и что было, в сущности, совершенно нормально. Крестьянские земли оказывались обработанными лучше, чем мои, и урожай у них отнюдь не ниже, а выше моих». Улучшения распространялись по мере выхода из общины и дальше, «ни в чем только не затронувши наделные земли». Общинники же, сетовал Шидловский, продолжали вести допотопное хозяйство. «Понятно, что, видя вокруг себя подобные явления, я не мог не прийти к заключению, что общинное распоряжение землею является самым крупным тормозом для улучшения земельной культуры, при каком мнении я и остаюсь до сего времени» [21, с. 36–37].

Дело, конечно, не в элементарной косности общинников. Экономика крестьянской общины носила закрытый и самодостаточный характер. На протяжении веков община помогала крестьянам выжить в суровой борьбе с природой и властями. Но, консервируя аграрную перенаселенность, та же община объективно не была заинтересована в производстве больших излишков сельскохозяйственной продукции. Если бы сотни тысяч крестьянских дворов Воронежской губернии вдруг резко повысили продуктивность своих полей, они тут же столк-

нулись бы с проблемой сбыта. Чрезмерные урожаи иногда оборачивались бедой, как это ни парадоксально кажется на первый взгляд. Так было, например, в 1897 г., когда губернатор В.З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса. Малому населению городов столько продукции не требовалось. Община уверена себя чувствовала лишь на среднем уровне достоверности; большинство крестьян не было заинтересовано в высоких ценах на хлеб, напротив, они всегда учитывали, что им рано или поздно придется покупать его. Ситуация экономической безысходности породила острое социальное беспокойство в деревне [22, с. 312].

Столыпинское реформирование было направлено на ликвидацию аграрной перенаселенности за счет целенаправленной поддержки хозяйственных инициатив крепких и трезвых крестьян-единоличников. Предполагалось, что промышленное и культурное развитие страны, развитие ее связей с внешним миром будут способствовать росту эффективности приватизированных крестьянских хозяйств. Известные основания для оптимистических прогнозов у сторонников реформ были. Несмотря на значительное отвлечение рабочей силы из-за мобилизаций (в Воронежской губернии в армию были призваны почти 400 тыс. молодых крестьян), в 1915 г. сельскохозяйственное производство выглядело гораздо перспективней, чем в том же 1907 г. Озимых хлебов было собрано более 63 млн пудов, яровых – 72 млн пудов, а всего, таким образом, 135 млн пудов, почти на 50 млн пудов больше, чем в год начала реформ [23, с. 3]. Столь внушительное увеличение производства сопровождалось симптоматичными переменами в аграрных отношениях. Прежде всего, в крестьянских хозяйствах наблюдался острый рост товарности зернового производства. Крестьяне, например, стали заметно расширять посевы озимой пшеницы, культуры более продуктивной, чем рожь, но и требующей более совершенной агротехники. Так, в 1913 г. крестьяне израсходовали на семена пшеницы 71,5 тыс. пудов, в 1914 г. – 81,7 тыс. пудов, а в 1915 г. уже около 140,5 тыс. пудов. Таких подвижек при господстве общины не наблюдалось: для собственного продовольствия общинники сеяли исключительно рожь.

Очень важно отметить также, что общий рост производства сопровождался чувствительным сокращением помещичьего землевладения. Если в 1914 г. помещики заняли под озимые 223 тыс. десятин, то в 1915 г. – всего чуть больше 100 тыс. десяти. При этом озимые поля крестьян выросли на 125 тыс. десятин и достигли почти 770 тыс. десятин, т.е. почти в 8 раз больше, чем у помещиков [23, с. 6]. Примерно так же увеличивались крестьянские поля и под другими культурами. Эти явления полностью соответствовали общероссийским процессам. Перед Первой мировой войной крестьяне производили уже 92,6% совокупного продукта земледелия и животноводства по стоимости [24, с. 34].

На крестьянские хозяйства большее влияние стал оказывать рынок. Появление в губернии сахарных заводов привело к росту посевов сахарной свеклы, почти целиком отправлявшейся на продажу. В 1915 г. под сахарной свеклой в губернии было занято уже почти 20 тыс. десятин [23, с. 13]. Кроме того, все больше крестьян стали проявлять заинтересованность в выгодных для себя ценах на

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ковальченко, И.Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) [Текст] / И.Д. Ковальченко // История СССР. – 1991. – № 2.
2. Macey, D. Agricultural Reform and Political Change: the Case of Stolypin / D. Macey // Reforms in Modern Russian History: Progress or Cycle? – Cambridge (Mass.), 1995.
3. Пэллот, Дж. Разрушила ли общину столыпинская реформа [Текст] / Дж. Пэллот // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. – 2004. – № 1. (Автор не раз отмечала сопротивление крестьян попыткам реформировать общину. Гораздо меньше внимания она уделяет тем крестьянам, которые проявили большую заинтересованность в успехе той же реформы. См.: Pallot, J. Land Reform in Russia. 1906–1917. Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. – Oxford, 1999.)
4. Мацузато, К. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция [Текст] / К. Мацузато // Отечественная история. – 1992. – № 6.
5. Иванов, А.А. Аграрное перенаселение в Центрально-Черноземном регионе России начала XX в. и его последствия [Текст] / А.А. Иванов // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России : материалы научной конференции. – Липецк, 1998.
6. Щербина, Ф.А. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду [Текст] / Ф.А. Щербина. – Воронеж, 1887.
7. Небольсин, А.Н. Переселенческое движение крестьян из Воронежской губернии [Текст] / А.Н. Небольсин. – Воронеж, 1928.
8. Журналы Воронежского губернского собрания очередной сессии 1913 г. [Текст]. – Воронеж, 1914.
9. Скиада, М.М. Производство крестьянских сапогов в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии [Текст] / М.М. Скиада // Памятная книжка Воронежской губернии на 1878–79 гг. – Воронеж, 1879.
10. Воскресенский, П.В. Кустарные промыслы в Нижнедевицком уезде, имеющие характер отхожих промыслов [Текст] / П.В. Воскресенский // Памятная книжка Воронежской губернии на 1878–79 гг. – Воронеж, 1879.
11. Миронов, Б.Н. Социальная история России [Текст] / Б.Н. Миронов. – СПб., 1999. – Т. 1.
12. Щербина, Ф.А. Хозяйственные нужды Воронежского края [Текст] / Ф.А. Щербина // Протокол заседания членов Воронежского отделения Императорского московского общества сельского хозяйства. Воронеж, 1893.
13. Новиков, А.И. Записки земского начальника [Текст] / А.И. Новиков. – СПб., 1899.
14. Гурко, В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника [Текст] / В.И. Гурко. – М., 2000.
15. Карпачев, М.Д. Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века [Текст] / М.Д. Карпачев // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века. – Воронеж, 2002.
16. Гульцев, Н.Н. Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее краях : дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Н.Н. Гульцев. – Л., 1952.
17. От кого зависит полезность агронома [Текст] // Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. – 1915. – № 5.
18. Письмо крестьянина-отрубщика [Текст] // Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. – 1915. – № 12–13.
19. Обзор Воронежской губернии за 1907 г. [Текст]. – Воронеж, 1908.
20. Обзор Воронежской губернии за 1915 год [Текст]. – Воронеж, 1916.
21. Шидловский, С.И. Воспоминания (1861–1922) [Текст] / С.И. Шидловский. – Берлин, 1923. – Ч. 1.
22. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы [Текст]. – Воронеж, 2015.
23. Обзор Воронежской губернии за 1915 г. [Текст]. – Воронеж, 1916.
24. Кабаков, В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке [Текст] / В.В. Кабаков // Вопросы истории. – 1993. – № 2.
25. Обзор Воронежской губернии за 1914 год. [Текст]. – Воронеж, 1915.
26. Чайнов, А.В. Бюджетные исследования: история и методы [Текст] / А.В. Чайнов. – М., 1929.
27. Постановления Воронежского губернского земского собрания по экономическим вопросам [Текст]. – Воронеж, 1916.
28. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 405.
29. Астырев, Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления [Текст] / Н.М. Астырев. – М., 1886.
30. ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 10084.
31. Рогалина, Н.Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века [Текст] / Н.Л. Рогалина // Вопросы истории. – 2004. – № 7. (Истоки аграрного кризиса Н.Л. Рогалина справедливо объясняет не многоземельем помещиков, а слабым разделением труда и недоразвитой профессиональной дифференциацией.)